

НА СОЛНЕЧНЫХ БЕРЕГАХ АМЕРИКИ

Сегодня впервые за долгие годы ему приснился дивный сон. Настолько приятный, что, проснувшись, он стал его додумывать. Нежась в постели, досочинял сюжет и сам удивился, какая благодная получилась картина.

В конце концов солнце, беспощадное даже сквозь плотные римские шторы, выдавило его из мягкой кровати. Кряхтя и почесываясь, он встал и пошел вглубь комнаты, подальше от светила, напевая:

— Не уходи, побудь со мною, пылает страсть в моей груди...

Приподнятое настроение утра не испортил даже кофе, который он любил выпивать на террасе и который нынче оказался чуть теплым.

— Варвара, ты дура, — объявил он горничной, — какого хрена ты наливаешь кофе, если я еще не вышел?

Варвара, дебелия рослая баба, ничуть не смутившись, забрала чашку, тут же поставила новую, налила и, удаляясь, пробурчала:

— Не вышел он! Как это не вышел, если я своими глазами видела — вышел!

— И снова ты, Варвара, дура. Я вышел без шлафрока. Посему вернулся, чтобы облачиться. Или ты не в курсе, в чем я поутру обычно...

Он повернулся посмотреть, внимает ли ему бестолковая Варвара, но ее и след простыл.

— Дура, — повторил он в третий раз.

Затем с удовольствием отхлебнул кофе и пропел на мотив услышанной когда-то глупой русской песенки:

— Дура ты моя синеглазая, без тебя мне не прожить и дня...

Положительно, утро удалось.

Он посидел еще немного в тени, но, поскольку солнце неумолимо продолжало наступление и двигалось как раз к террасе, пришлось ретироваться. В холле он остановился и посмотрел в зеркало. «Зерцало», как любовно назывался сей предмет, не показало ничего хорошего. Да-с, все-таки старость — не радость. Когда тебе за восемьдесят, щеки румянцем не горят и здоровьем не пышут. Однако сегодня глаза блестят, и чувствует он себя отлично. А это уже немало по нынешним временам.

Он прошел в кабинет и сел за стол. Стоявшая на столе шкатулка из красного дерева, инкру-

стированная перламутром и украшенная двадцатью пятью алмазами, двадцатью сапфирами чистой воды и четырьмя крупными изумрудами по углам, казалось, издавала нежный аромат сандала.

Он осторожно погладил поверхность и мягко нажал на головку ангела, украшавшую замок. Внутри что-то щелкнуло, и шкатулка открылась.

— А ларчик просто открывался, — прошептал он и осторожно достал из бархатного чрева шкатулки золотую медаль на голубой ленте.

Императрица на медальоне была изображена в профиль. Надпись гласила: «Б.М. Екатерина. II Императ. и самодерж. Всеросс.» Внизу, как положено, имя медальера — Тимофей Иванов. На тыльной стороне — Екатерина с Девой Марией возле алтаря и надпись в две строки: «коронована в Москве» и «сент. 2д. 1762».

Вдоволь насмотревшись на награду, он закрыл шкатулку, а медаль взял с собой. В углу кабинета стоял портновский манекен, обряженный в парчовый шлафрок, в точности какой был на нем самом, с перекинутой через плечо голубой орденской лентой. Он аккуратно прикрепил медаль к планке и отошел, чтобы полюбоваться.

— Ну, кажись, неплохо. Вылитый Александр Сергеевич Строганов! Первый граф в нашем роду!

Отступив еще немного назад, он так и эдак покрутил головой, любуясь манекеном, потом со вздохом убрал медаль в шкатулку, сунул ее под

мышку и пошел, сначала по коридору вглубь огромного дома, потом открыл неприметную взгляду дверь и стал спускаться в подвал. Там он остановился перед другой дверью — сейфовой, привычно потыкал толстым пальцем в цифры электронного замка, сказал «сезам откройся», и дверь отъехала в сторону.

Хозяин дома прошелся по большому залу вдоль стен, увешанных портретами, и остановился возле музейной витрины в центре.

— Там царь Кащей над золотом чахнет, там русский дух, там Русью пахнет, — пробасил он, понял, что сфальшивил в конце, и, откашлявшись, повторил последнее слово.

— Пааахнеет! Вот так!

Под стеклом лежали ордена, медали, портсигары, памятные подарки и орденские ленты. Он пристроил медаль на бархатную подложку, шкатулку поставил на стол с мраморной столешницей и пошел к выходу. По мере его движения гасли устроенные в потолке и стенах лампы.

Лишь шкатулка долго продолжала поблескивать драгоценными камнями и золотом таблички, на которой было выгравировано: «Графу А.С. Строганову от благодарной Екатерины в честь Тезоименитства».

ГЕРМАН

Плотность населения деревни Любилки — девять человек на восемь дворов. Семь одиноких, брошенных бабок и дед Кирьян с мальцом.

Деда в деревне не любили. Причин тому было несколько. Первая, что Кирьян ни с кем из соседок не только не любился, а и дружбы не водил. Хотя был крепок и силен не по годам. Бабки, конечно, не первой свежести, однако выбор все же был. Анютка была других моложе ненамного, однако собой симпатичная и еще фигуристая. Шура полноватая и рыхлая, как квашня, но зато на лице ни одной морщинки и ямочки на щеках. Были свои прелести и у других, но Кирьян ото всех нос воротил. Однажды подрядился крышу перекрыть у Любки. Перекрыл, а когда она сказала, что согласная, чего уж там, на другой день стал по другой стороне улицы ходить и больше свою помощь никому не предлагал. Просили — делал, конечно, но после работы от

угощения отказывался и сразу бежал домой со своим парнишкой водиться. А мальчонка-то, все ведь знали, был приبلудный и Кирьяну вовсе не родня. Тот привез мальчика из интерната в другой области, куда ездил отходником и подвизался то стропалем, то столяром, то вовсе печником.

Звали приبلуду Геркой, и поселился он в Любилках, когда имел от роду всего три года. Где его Кирьян надыбал, никто не знал, однако документы выправил честь по чести, содержал в строгости, но в достатке, учил всему, что сам умел, старался одного не оставлять и ни на кого менять не хотел — ни на жену, ни на любовницу.

Все удивлялись и тому, что, когда Гера подрос, в интернат его дед не отправил, а стал возить в районную школу, для чего приобрел и отладил мотоцикл с коляской.

Наведывались к Кирьяну из органов опеки не раз, однако плохого ничего не находили. Хозяйство дед вел исправно, за мальцом следил, к учебе нареканий не было, так что, как ни рядили о нем соседки, как губы ни поджимали, жили старей да малый дружно да весело.

Лет с семи Кирьян стал брать мальчишку с собой на заработки. Только тот на каникулы, они тут же вместе наладятся куда-нибудь. Особенно часто в Успенскую пустынь, где семеро монашек восстанавливали обитель и нуждались в помощи, как никто.

Когда Герка подрос, стал ездить в пустынь сам. В Любилках и не знали, что в обители начал мальчишка рисовать. Была при монастыре небольшая иконописная и реставрационная мастерская. Матушка Варвара сама была из художников, насельниц нашла таких же и организовала артель.

До окончания школы Герка там обитался и, видно, многому научился, потому что учиться отправился в Петербургский институт самых главных искусств, выучился и стал работать реставратором, да не где-нибудь, а в каком-то приличном месте, где платили вовремя и хорошо.

После этого Кирьяна невзлюбили еще больше. Мало того что приبلудный парнишка птицей высокого полета оказался, так еще деда не бросил, а отремонтировал дом, пристроил мастерскую, купил Кирьяну УАЗ «Патриот», стал навещаться то один, то со товарищи и живать подолгу, работая на свежем воздухе в свое удовольствие.

Одна польза — стали в Любилках появляться молодые люди, Геркины друзья, снимали у бабок жилье, а это существенно увеличило доходность местного населения.

Но все равно хорошей жизни Кирьяну не простили и за глаза осуждали. За что? Да за все!

Гера относился к дедовым соседкам с пониманием, посмеивался только. А что касается

Кирьяна, тот словно не замечал предвзятого отношения, радовался успехам своего мальчика и жил себе, не тужил.

Лет до восьми он думал, что зовут его Герасим, а фамилия — Сайкин. Как у деда. Когда впервые увидел свое имя в свидетельстве о рождении, был удивлен. Оказывается, по документам он — Герман Александрович Строганов. В школе по фамилии никого не называли. Зоя Петровна считала, что детей надо звать только по имени и уменьшительно-ласкательно. Герочка, Герушка — вот что он привык слышать. Дед дед звал Геркой, а иногда Гераклом. В шутку, конечно. Рос мальчик высоким, но тощеньким. Прямо былинка на ветру. Вот Кирьян и посмеивался над его худобой. Гера не обижался, но к сведению принял. Записался в секцию при районном клубе, начал заниматься дома и к «осьмнадцати», как говорили в Любилках, годам стал крепким и плечистым.

Сразу после школы в питерский Институт искусств и реставрации он все-таки не поступил. Выпускнику сельской школы не хватило баллов. Герка особо не переживал и решил отслужить в армии. Забрали его осенью, а уже через два года он все же стал студентом.

В институте Герман получил кличку Фриц за немецкое, как все считали, имя. Гера к прозвищу привык и даже подписывал им свои работы.

Рисовал он неплохо, преподаватели пророчили успех, но Герман стал реставратором и никогда об этом не жалел. Воспитанный в сельской глуши, он ценил уединение и тишину. Кропотливость и терпение, необходимые для реставратора качества, дед воспитывал в нем с детства. Герман занимался этой непростой работой с удовольствием и за несколько лет преуспел. В профессиональных кругах считалось, что Фриц может «вытащить» любую, даже самую тяжелую, картину или икону. И это была правда.

Живопись Герман не бросил, иногда даже что-то продавал, чаще дарил. Летом разрисовал районный клуб, где ему помогли окрепнуть, потом актовъй зал в школе, а Зое Петровне расписал забор, да так, что к нему стали привозить школьников на экскурсии. В Успенскую пустынь он по-прежнему ездил часто. Там его привечали и гордились. Он помогал и монастырю, причем много. Матушка Варвара теперь сама училась у него новым приемам, узнавала, с какими химикатами лучше работать по тем или иным поверхностям, и много всякого другого.

Кирьян не мог дождаться от Германа только одного — женитьбы и детишек. Мечтал застать то счастливое времечко, когда его выкормыш обзаведется семьей. Однако время шло, Гере перевалило за тридцать, а дело не сдвинулось. Девушек вокруг парня крутилось немало, но никакая не засиделась, не прирослась.

Одно время Кирьян надеялся на Геркину однокурницу по имени Светлана. Света была хороша всем — и статью, и светлой пушистой косой, и румянцем во всю щеку. А пуще всего она нравилась Кирьяну домовитостью. Не успела появиться в их с Геркой доме, как сразу начала готовить, прибираться, даже бельишко на речку ходила полоскать. Кирьян уже прикидывал, не начать ли материалы для пристройки к дому закупать. И только он уже было обрадовался, как пушистокосая и румянощекая Светлана исчезла. Дед приступил с расспросами к Герке, но на того где сел, там и вокзал.

— И чего девку забраковал? Ведь как сильно тебя любила! Аж стелилась вся.

Герка только усмехнулся.

— Да не любила она меня. Просто замуж сильно хотела.

— Она хотела, а ты, значит, не хотел?

— Выходит, не хотел.

Вот и весь сказ.

На следующее лето Герка привез другую. Та бельишко не стирала. Та была пава. Правда почти безволосая, с коротким ежиком вместо кос, но зато волоокая. И имя имела соответствующее — Хельга. Эту дед Кирьян побаивался. Скажешь вроде хорошее и простое, а она поведет своими коровьими глазницами, и сразу кажется, что чушь какую-то сморозил. Кирьян маялся, но терпел. Лишь бы Герке было с ней хорошо. Но

ПОРТРЕТ ДЕВОЧКИ В ШЛЯПЕ

волоокая Хельга испарилась еще быстрее Светланы.

Потом девушки стали, как выражался Кирьян, мелькать перед глазами. То одна мелькнет, то другая. Но никто не примелькался настолько, чтобы остаться в их жизни навсегда.

Ничего хорошего в этом не было, но что делать? Дед Кирьян запасся терпением и стал ждать.